

Жрец стоял в стороне, казалось, будто происходящее к нему вовсе не относится. Женщина-призрак быстро отступила вдаль, поправила одежду, и лишь спустя долгое время вновь выплыла обратно.

— Ты... ох, — мужчина обнял ту, что стояла перед ним, и призрак в каком-то оцепенении тоже обняла его, лишь через мгновение разжав руки и заглянув ему в глаза.

— Ты как себя чувствуешь? — мужчина посмотрел на женщину, но та лишь покачала головой, показывая, что всё в порядке. — Я совсем забыл, что ты не можешь говорить... неужели... неужели я и вправду такой никчёмный...

Женщина-призрак снова лишь покачала головой. Гу Хэн протянул руку, достал из рюкзака какую-то вещь, подошёл и передал её призраку, а затем нашел местечко неподалёку и жестом велел обоим присесть.

— Что у вас... вообще произошло?

— Меня зовут Гу Юнь, а это Се Шу. Наша история довольно сложна, к тому же за столько лет я многое позабыл, так что могу рассказать лишь в общих чертах. — Гу Юнь с безграничной благодарностью посмотрел на ту, что сидела рядом. Шэнь Няньчжи неспешно подошёл и устроился поодаль от Гу Хэна.

Се Шу испуганно покосилась на жреца и полностью спряталась в объятиях Гу Юня, настороженно глядя на него. Жрец лишь обречённо развёл руками и от скуки уселся поодаль, на противоположной стороне, греясь на солнышке.

— Я, как и он, — Гу Юнь указал на жреца, — прибыл сюда, чтобы помочь этим местам разбогатеть. Но позже я обнаружил, что здешние деревенские жители не слишком-то жалуют божеств. Я пытался отговаривать их, однако это не принесло никакой пользы, поэтому я оставил попытки.

Здесь три года подряд свирепствовал голод. Я доложил об этом наверх, и зерна прислали немало, но стоило бросить семена в эту землю и посадить еду, как она упорно отказывалась давать урожай. Я перепробовал множество засухоустойчивых культур, но толку не было.

В конце концов даже сами сельчане опустили руки.

Из-за голода здешние места беднели всё сильнее. Многие стремились уехать отсюда, и не было ни единого человека, который захотел бы приехать вновь. Вдобавок ко всему здесь царило пренебрежение к девочкам, из-за чего женщин почти не осталось, а людей с каждым днём становилось всё меньше.

Гу Юнь вздохнул:

— Я несколько раз ходил в деревенский храм, молился Старому Божеству и слышал молитвы окружающих. Они просили не еды и не богатства — они просили женщин.

— Божество не ответило, верно? — Шэнь Няньчжи посмотрел на Гу Юня, его пальцы легко коснулись руки спутника. — Судя по вашим словам, это божество было весьма отзывчивым, но единственным желанием, которое оно не исполнило, было желание женщин.

— Да, божество не ответило. — Из глаз Гу Юня скатилась слеза, и Се Шу торопливо протянула руку, чтобы смахнуть её, но пальцы лишь прошли по испачканному кровью лицу. — В тот раз божество явило свою волю. Оно сказала, что может помочь в чём угодно, но только не в этом.

Мне следовало тогда же поскорее увести жену и сына, иначе всего последующего бы не произошло. — Се Шу бросил взгляд на ребёнка, который по-прежнему растерянно сидел неподалёку. Малыш, кажется, опомнился, проворно подполз ближе и теперь молча наблюдал за ними.

В тот день они изначально планировали уехать на машине, потому что своими глазами видели, как толпа деревенских жителей разрушила храм божества и разбила его статую.

Он подумал, что пришло время уходить.

Но стоило им добраться до въезда в деревню, как дорогу преградили.

— Мама, мне страшно... — ребёнок испуганно жался к материнской груди. Се Шу тоже не смела выглядывать наружу. Гу Юнь сначала собирался просто проехать на машине, но передние ряды сельчан были вооружены мотыгами и тесакими, так что прорваться оказалось не так-то просто.

Он порывался задавить хотя бы одного из этих людей и сбежать куда глаза глядят, но в самый последний момент жестокости в нём всё же не хватило. Пришлось заглушить мотор и выйти самому, чтобы попытаться поговорить с ними.

— Что вы задумали?

— Зачем вам уходить? Разве здесь всё не так хорошо?

— Мать звонила мне вчера и просила заглянуть к ней, — голос Гу Юня слегка дрожал. — Разве плохо то, что я хочу поведать её?

— Конечно можно, но их ты оставишь! — старый деревенский староста жадно уставился на машину, стоявшую позади. — Сам понимаешь, женщины и дети — дефицит в нашей деревне. Чтобы ты точно не вздумал вернуться, они должны остаться здесь.

— Да вы с ума сошли! — Гу Юнь затрясло от гнева. Он уже собирался запрыгнуть в салон и дать по газам, как вдруг по голове чем-то ударили, и он в полумраке рухнул на землю, успев заметить лишь жадный взгляд старосты.

— С этого момента ты станешь новым божеством, и это твоя честь.

Увидев, что он упал, Се Шу не стала больше колебаться. Она перелезла на водительское сиденье и попыталась тронуться с места, но снова потерпела неудачу — толпа насмерть загородила дорогу. Те люди не боялись умереть, а вот Се Шу боялась: она не умела убивать.

В конце концов она выбрала иной путь: обняла ребёнка, направила машину прямо на огромный придорожный валун и погибла.

Когда Гу Юнь пришёл в себя, он был привязан к столбу. Он ничего не видел и мог полагаться только на слух:

— Что вы сделали с моими женой и сыном?

— А что мы могли сделать? Сами разбились о камни на машине. Какая жалость, мы ведь собирались вырастить твоего пацана вместо тебя, да и жена твоя была так хороша... — Дальнейшего Гу Юнь мог и не слушать — он прекрасно понял, почему Се Шу не смогла сбежать.

Во всём была его вина.

— Знаешь, как смертные становятся божествами? Это здешний особый рецепт, — голос старосты раздался прямо над ухом. Гу Юнь замер, его пальцы задрожали.

Кто-то проворно сунул ему в рот тряпку, чтобы он не вздумал покончить с собой. В тот момент он уже ничего не мог поделать и оставалось лишь смириться со своей участи.

Божеству не нужно разговаривать, не нужно и глазеть по сторонам — нашему божеству требуется лишь покорно слушать наши приказы и следовать им.

Поэтому ему вырезали язык.

И выкололи глаза.

Он ничего не сказал, а лишь молча ждал следующего шага, больше не пытаясь сопротивляться. Он надеялся лишь на то, что умрёт как можно скорее и их план по созданию искусственного божества провалится.

Ему залили в уши раскалённое масло. Гу Юнь плотно зажмурился, не понимая, что творится у него в голове. Если удастся завершить ритуал, сможет ли он вернуть к жизни жену и сына? А если потерпит неудачу?..

Он почувствовал, как на лицо ему наклеили жёлтый бумажный талисман. Хотелось сорвать его, но сделать это оказалось невозможно.

Эта вещица способна запереть твою душу и позволить ей ненадолго задержаться здесь после смерти. Разумеется, когда мы закончим создавать божество, ты останешься здесь навечно, — староста, казалось, ухмылялся, хотя Гу Юнь не мог этого видеть и слышать.

Он почувствовал, как на его лицо упали капли воды. Что это было, он не знал — его чувства уже притупились, и всё вокруг словно угасало.

Он ощутил, как к его горлу приставили лезвие, а затем наступила смерть.

Трудно сказать, было ли это лучшим исходом, но, когда его душа взмыла в воздух, он встретил жену и ребёнка. Говорить он уже не мог, поэтому лишь отчаянно жестикулировал, показывая им, чтобы они пока оставались здесь.

Се Шу крепко обняла его, а мальчик тихо сидел на камне неподалёку, и его глаза внезапно стали кроваво-красными.

— Убить... их...

С этого момента здесь появился первый злой дух. Поначалу он мог причинять вред живым, но Се Шу остановила его, прежде чем он успел что-то сделать:

— Говорят, убийцам заказан путь к перерождению. Не убивай пока никого, давай посмотрим, что именно они задумают.

Се Шу мягко погладила сына по спине, успокаивая его, и Гу Юнь тоже принялся утешающе гладить её по плечу.

Те люди замуровали его тело в камень и заказали по нему статую божества, после чего Гу Юнь почувствовал, как против воли его тело потянуло к каменному лику.

Наконец он расслышал, о чём толковала толпа.

Твоя душа будет вечно томиться здесь и служить нам. Ты — наше божество, — хриплым голосом изрёк староста. Гу Юнь закрыл глаза, чувствуя лишь, как статуя перед ним медленно кивает.

В какой-то момент Се Шу тоже не выдержала — её зрачки окрасились в кроваво-красный.

Мстительный дух обрёл форму, однако причинить кому-либо вред в этом месте они были не в силах.

С той минуты они разделились на два лагеря.

Когда настала ночь, женщина-призрак появилась вновь, опустившись на колени перед соломенным ковриком, и с благоговением посмотрела на божество:

— Я готова отдать часть своей способности говорить и способность ребёнка вредить людям в обмен на союз. Прошу, согласись.

Белая вспышка молнии промелькнула над деревенским храмом, на землю упали первые капли дождя. Женщина подняла голову — Гу Юнь смотрел на неё сверху вниз.

— Божество приняло твою молитву и согласно заключить с вами союз.

Позже они стали подносить божеству сердца и матки убитых женщин. Поначалу те не собирались принимать подобные дары, но на следующий день сельчане принесли жертву от другой женщины, и Гу Юню пришлось подчиниться. Видя, как ему тяжело, Се Шу забирала у него ненависть и боль тех людей, чтобы становиться сильнее.

Жертвоприношения повторялись каждое десятилетие. Поначалу Гу Юнь пытался сопротивляться — он пробовал являться в снах, но всё было без толку: в следующее десятилетие толпа приносила те же самые дары.

Они редко покидали храм, зато ребёнок то и дело бегал наружу, а порой рассказывал им о том, что повидал в мире живых. Тогда Се Шу садилась рядом, вникая во все подробности, выводила, кому принадлежал тот или иной дом, и под покровом ночи отправлялась расправляться с обидчиками.

Убить их всех они были не в силах.

Гу Юнь оказался заперт здесь: получив жертву, он был обязан отрабатывать её, поэтому ему приходилось поневоле помогать им заманивать в ловушку одну женщину за другой.

Сначала они не хотели переносить вину старшего поколения на их потомков, но дети этих людей продолжали творить те же злодеяния — гнилое семя давало гнилые всходы.

Десятки лет назад какой-то человек в маске перебил здесь всех до единого. Они надеялись, что после его ухода обретут свободу, но стоило тому скрыться, как... все эти люди ожили вновь.

Они продолжали жить как ни в чём не бывало, и в их поведении не было ни малейшего намёка на раскаяние, так что призракам пришлось продолжить своё дело.

Они надеялись спасти тех, кто случайно забредал сюда позже, но не могли — оставалось лишь смотреть, как путников либо убивают деревенские, либо приканчивает сама Се Шу.

Никому больше не удавалось сбежать. Ни единому человеку.

Когда пришли эти двое, надежды у призраков почти не осталось, но после того дня Се Шу сказала ему, что запах у этой жертвы какой-то странный — совсем не похожий на человеческую плоть. Тогда-то они и поняли, что всё ещё может измениться.

Смерть — вовсе не то, чего стоит бояться.

Куда более отвратительно — продолжать существовать здесь.

— В любом случае, спасибо вам, — Гу Юнь посмотрел на гостей, а ребёнок прижался к нему, наблюдая за происходящим. Жрец лежал вдальи на солнце, его маска отблёскивала мягкими лучами.

Шэнь Няньчжи скосил на него взгляд. Тот, казалось, почувствовал это, повернул голову и встретился с ним глазами, отчего по спине пробежал холодок.

— Что именно вы хотите узнать? Я действительно могу ответить на многие вопросы.

— Зачем вообще требовались эти жертвоприношения?

— Сердца и матки? Ради божества, разумеется, — жрец неторопливо приподнялся и окинул их взглядом издалека. — Сердца подносили для того, чтобы Гу Юнь забыл свою жену. В народе говорят про кризис семи лет, вот они и приносили жертвы каждые десять лет, чтобы божество не слишком одиночало и не вздумало навредить им самим. А матки — чтобы он забыл собственного ребёнка. Наверное, какое-то суеверие, впрочем, наверняка утверждать не берусь.

Как бы то ни было, всё это делалось лишь для того, чтобы связать божеству руки. Стоило принять жертву, как оно уже не могло покинуть деревенский храм, пока не сорваны талисманы. Умно придумано, ничего не скажешь. — Зрение у жреца было не из лучших, и он поднялся на ноги, подходя ближе к остальным.

— Ты знаешь, чем была та вода?

— Что... ты имеешь в виду?

— Это были слёзы Старого Божества. Оно видело твою судьбу, и, если верить расчётам, под утро ты должен был стать истинным божеством. Но ты слишком рано заключил союз с Се Шу, так что теперь ничего не попираешь.

— А если бы я не заключал союз? Что стало бы с моими женой и ребёнком?

— Те, кто не стал призраками, выжили бы. Те, кто обратился в мстительных духов — погибли.
— Жрец стоял неподвижно, и в его глазах за маской читалось полное равнодушие. — Впрочем, думаю, даже узнай ты об этом раньше, ничего бы не изменилось.

— Я всё равно выбрал бы путь с призраками. Я не боюсь, мне нужно лишь одно — чтобы мои жена и сын жили. Я пойду на любые жертвы, лишь бы с ними всё было хорошо.

Жрец на мгновение замер, отошёл в сторону и опустил на землю, закрыв глаза.

Его окутал синий свет, а Шэнь Няньчжи от скуки просто сидел рядом.

— Сюжет выполнен на девяносто один процент, осталась самая малость. Полагаю, нам стоит кое-что предпринять, — Гу Хэн бросил взгляд на спутников. — Кстати, ту семью в прошлом убили деревенские?

— Они самые. Хотели забрать ребёнка себе, — Гу Юнь прикрыл глаза, припоминая. — Больше ничего не знаю.

Жрец поднял веки и бесстрастно посмотрел на них:

— Вердикт таков: родители разделят равную вину и отправятся в ад на сто лет до искупления, а ребёнок безгрешен — пусть ступает в круговорот перерождений, и пусть столетие для него пролетит как один миг.

— Что это значит? Ребёнок отправится на перерождение? А как же...

— Нет, смысл в том, что по истечении ста лет он снова будет с вами, — жрец бросил взгляд на Гу Юня и протянул ему нефритовый кулон, вынутый из кармана. — Пусть ребёнок возьмёт его с собой, это защитит его от бед в будущих жизнях.

— Спасибо вам... огромное спасибо... — из глаз Се Шу скатилась слеза, и Гу Юнь протянул руку, бережно стирая её.

Жрец кивнул:

— Игра завершена. Проверьте, выполнены ли задания — на этом всё должно закончиться.

Подводя итоги, жрец убедился, что почти всё сделано.

— А вот у меня нет, — Шэнь Няньчжи нахмурился, перевёл взгляд на остальных и сквозь зубы процедил оставшиеся слова: — Моё задание: успешно завершить свадебную церемонию.

Гу Хэн:...

Жрец:...

Шутка ли: задание гласит успешно завершить свадьбу, а в итоге они устроили в ней такой погром.

<http://bllate.org/book/20811/2092298>